

Злата

Жемчужина Свалки

книга-игра

Версия текста: 1

КвестБук: книги-игры и сторигеймы

<https://quest-book.ru>

Закатное солнце, пробиваясь сквозь рваные прорехи туч, окрасило Великую Свалку в оттенки ржавчины и тусклой меди. Здесь, у подножия исполинских городских стен, веками оседали сломанные телеги, битая посуда и прочий людской хлам. В воздухе стоял густой запах прелой древесины и старого железа.

Посреди этого безмолвного кладбища вещей жил Поскребка — маленький дракон с чешуёй цвета утреннего тумана. Альбинос. Его собратья, гордые и золотоглазые, давно парили бы над скалистыми пиками, а он был вынужден прятать свою бледную, пропылённую шкуру под остовом разохшейся кареты.

Однако даже здесь, в грязи и запустении, в Поскребке не угасал древний инстинкт истинного дракона — неодолимая, почти болезненная жажда сокровищ. Его тайником стало облезлое дно кареты, оно было устлано битым цветным стеклом, перламутровыми пуговицами и погнутыми монетками. Каждый вечер, замирая от восторга, он пересыпал лапками свои жалкие богатства, представляя, как однажды найдёт нечто

настоящее.

Сегодня, впрочем, возвышенный трепет прервал настойчивый голод. Город, раскинувшийся за крепостной стеной, затихал перед грядущей ночью, но до чуткого слуха Поскребки с восточной стороны донёлся приглушённый шёпот. Говорили несколько человек. Обычно он опасался двуногих, но сейчас что-то настойчиво тянуло его туда — предчувствие, смесь страха и жгучего любопытства.

Проверить свой тайник - вдруг там завалялось что-то блестящее, упущенное прежде. — (4)

Затаив дыхание, прокрасться вдоль стены и подслушать полуночных гостей. — (3)

Отправиться за новыми сокровищами и едой на свалке. — (7)

2

Поскребка заставил себя отступить. Тёмный зев водостока манил, точно открытая пасть, но маленький дракон помнил: торопливость губит даже самых сильных. Он развернулся и, крадучись, покинул заросли плюща. Стоило вернуться на свалку, в знакомый лабиринт мусора, и там, в безопасности, дожждаться часа, о котором шептались заговорщики.

Остаток ночи он провёл тревожно, чутко вздрагивая от каждого звука. Едва рассвело, Поскребка уже рыскал у подножия стены в поисках пропитания. Удача улыбнулась: в золе потухшего костра, разведённого, видно, ночным дозором, он отыскал оброненную краюху хлеба, твёрдую, как камень, но съедобную. Тут же валялась надкусанная печёная луковица — горькая, зато сытная. Утолив голод, дракончик почувствовал прилив сил.

День тянулся невыносимо долго. Солнце лениво ползло по бледному небу, пока наконец не утонуло в багрянце заката. С наступлением сумерек Поскребка вернулся к месту, где вчера исчезли заговорщики. Но теперь он не пошёл сразу к водостоку, а забрался в рассохшуюся бочку, что валялась на боку у самой стены, густо оплетённая диким хмелем. Сквозь щели в досках отлично просматривался и провал водостока, и замковый двор за стеной — узкая полоска булыжника.

Ждать пришлось недолго. Едва луна, круглая и тяжёлая, поднялась над башнями, тишину разорвали крики. Сначала далёкий лязг оружия, потом чей-то истошный вопль, глухой удар колокола, и вновь тишина — тревожная, звонкая, полная эха. А затем со двора донеслись частые шаги и отрывистые команды. Переворот начался.

Поскребка выждал, пока шаги стихнут, и выскользнул из бочки. Сердце колотилось где-то в горле, но инстинкт гнал вперёд. Он метнулся к водостоку и, более не колеблясь, скользнул в чёрный лаз. Теперь всё было быстрее: изгиб туннеля, склизкий камень, запах тины. Казалось, сама темнота подгоняла его.

Ход закончился неожиданно — низкой аркой, за которой подрагивал багровый свет факелов. Поскребка выбрался в подвал замка: сырое помещение с бочками и ящиками, пропитанное запахом плесени и вина. Впереди, за грудями тары, начинался узкий коридор — и здесь, прямо перед ним, он раздваивался. Левый уходил вниз, в холодную полутьму, и пахло оттуда застарелой гарью. Правый вёл вверх, к ступеням, и оттуда доносился далёкий шум и звон.

Дракончик замер, принюхиваясь. Оба пути сулили неизвестность. Где-то там, в глубине замка, пряталась сокровищница — но куда идти?

- Пойти налево — в тёмный коридор, пахнувший гарью. — (11)**
- Пойти направо — туда, где слышен шум и драка. — (9)**

3

Любопытство пересилило осторожность. Поскребка, ступая почти бесшумно на мягких подушечках лап, двинулся вдоль замшелой стены туда, откуда доносился приглушённый говор. Вечерняя мгла сгустилась, превратив свалку в лабиринт из чёрных силуэтов и неверных теней. Дракончик скользил между остовами старых телег, прижимался к земле, когда ветер доносил особенно резкие звуки, и наконец замер за большой кучей битой черепицы.

Впереди, у едва заметной расщелины в основании внешней стены, стояли двое. Плащи их были подняты до самых глаз, но Поскребка сразу понял — это не простые горожане. Один, широкоплечий и грузный, опирался на посох с набалдашником в виде птичьего черепа. Второй — сухой, вертлявый, с беспокойными пальцами, то и дело оглядывался, словно боялся, что сама ночь их подслушает.

— ...завтра, когда луна войдёт в полную силу, — шипел вертлявый. — Стража у восточных ворот будет ослаблена. Мы проникнем в замок через старый водосток, тот самый, что под кузницей. Главное — успеть до рассвета, пока не сменят караул.

Широкоплечий хмыкнул, ковыряя землю посохом:

— А король? Его ведь не возьмёшь голыми руками. Говорят, у него в покоях цепной грифон.

— Король — всего лишь старик, который больше печётся о своей сокровищнице, чем о собственной шкуре, — скривился вертлявый. — Забудь о грифоне. Главное, что после переворота сокровищница будет открыта. Золото, камни, древние артефакты — всё наше. Поделим поровну.

Сердце Поскребки пропустило удар. Сокровищница. В его голове, полной мечтаний о блестящем, это слово вспыхнуло ослепительным факелом. Он прижался к черепице ещё теснее, боясь дышать. Инстинкт, тот самый, что заставлял его годами собирать мусор, вдруг взревел изнутри: «Иди за ними! Смотри, куда они пойдут! Это твой шанс!»

Тем временем заговорщики, закончив разговор, двинулись к расщелине. Вертлявый первым исчез в черноте пролома, широкоплечий последовал за ним, и вскоре их голоса стихли. Остался лишь тихий посвист ветра.

Поскребка стоял, дрожа от возбуждения. Впереди — неизвестность, город, полный опасностей, и заговор, который пугал до кончиков когтей. Но позади — карета, привычная свалка, скудный ужин и сон без мечты. Если он сейчас повернёт домой, то никогда не узнает, что сияло в той сокровищнице.

Прокрасться следом за заговорщиками — инстинкт не простит, если упустить такой шанс. — (8)

Вернуться в убежище — это слишком опасно, лучше переждать ночь в тепле и безопасности. — (5)

4

Поскребка скользнул в щель между разошедшимися досками - туда, где под старым остовом кареты темнел его крохотный лаз. Здесь всегда пахло сухой трухой и старым железом, но маленькому дракону этот запах казался родным. Сквозь узкую трещину в борту сочился меркнувший закатный свет, зажигая робкие искры на его «сокровищах», заботливо разложенных по гнёздам из прелой соломы.

Он уселся на бок, по-птичьи поджав задние лапы, и бережно придвинул к себе россыпь блестящих безделиц. Это был его собственный ритуал - ежевечерний осмотр нажитого тяжким собирательским трудом.

Вот осколок бутылочного горлышка - тёмно-зелёный, с оплавленными временем краями; Поскребка подносил его к глазу, и мир окрашивался в таинственную изумрудную мглу. Вот простая медная пуговица с обломанным ушком — но стоило чуть повернуть, и она ловила свет, вспыхивая крохотным солнцем. Ржавый ключ с фигурной бородкой весил в лапке приятно и походил на древний артефакт из легенд. Потом шла погнутая оловянная ложка, в чьей выпуклой части можно было смотреть на собственное отражение - хотя оно напоминало скорее расплывчатого бледного духа.

Сегодня лапка наткнулась на что-то, позабытое в соломе. Поскребка замер, а затем вытянул наружу круглую стеклянную каплю - мутную, с радужными разводами внутри. Возможно, когда-то она была просто печной присадкой, но для него засияла, словно слеза луны. Он благоговейно уложил находку рядом с перламутровой пуговицей и обрывком свинцовой фольги, которая трепетала от дыхания, точно лепесток из серебра.

Вдоволь налюбовавшись, Поскребка тяжело вздохнул. Пустота в животе напомнила о себе сварливым урчанием, а снаружи, со стороны восточного пролома стены, вновь донеслись те самые голоса - приглушённые, резкие, полные непонятной тревоги. В носу защекотало от любопытства, смешанного с привычной опаской.

- Осторожно подкрасться к пролому и подслушать незнакомцев. — (3)**
- Спрятать находки обратно и отправиться на поиски еды к городским воротам. — (7)**

5

Страх оказался сильнее. Поскребка ещё мгновение смотрел в чёрный зев расщелины, где скрылись заговорщики, а затем попятился. Инстинкт ворчал где-то глубоко, но здравый смысл нашёптывал: «Ты всего лишь маленький дракон, бледный и хрупкий. Там, в городе, тебя раздавят, даже не заметив». Опустив голову, он развернулся и засеменял обратно через тёмные завалы.

Вот и знакомая карета — тихая, надёжная, пахнущая сухим деревом и соломой. Поскребка юркнул в лаз, свернулся клубком на своём привычном месте и глубоко вздохнул. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, но здесь, в тесной темноте, мир снова становился понятным и предсказуемым.

Сон, однако, не шёл. Перед глазами стояли образы: заговорщики, скользкие в ночи; слово «сокровищница», оброненное жадно и веско; груды золота, которую рисовало воображение — не жалкие пуговицы и осколки, а настоящее, тяжёлое, сияющее. Он фыркнул, мотнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Ладно, сейчас его удел — эта свалка. Но ночь длинна, и чем-то нужно себя занять.

Поскребка оглядел своё убежище. В углу валялась куча тряпья, которую можно было бы перебрать и устроить гнездо помягче. На потолке, меж досок, позвякивала на сквозняке связка старых гвоздей — он давно хотел её снять и добавить в коллекцию. А ещё можно просто выбраться наружу и посмотреть на звёзды — огромные, холодные, рассыпанные по небу, словно просыпанная соль. Может, хоть они подскажут, что делать дальше.

- Выбраться наружу в поисках еды. — (7)**
- Заняться обустройством гнезда — перебрать тряпье и сделать лежанку уютнее. — (6)**

6

Поскребка решительно встряхнулся, прогоняя остатки тревожных мыслей, и повернулся к куче тряпья, сваленной в углу. Это было его давнее собрание — лоскуты, подобранные за многие месяцы: выцветший шерстяной платок с обтрёпанными краями, драный рукав от солдатского камзола, клочок мешковины в застарелых масляных пятнах, обрывок льняной простыни, посеревшей от времени, и пушистый кусок овчины, проплешивевший, но всё ещё мягкий.

Он принялся за дело старательно, как это умеют только драконы, обустроивающие собственный угол. Лапками, неловкими для тонкой работы, но упорными, он разгребал солому, укладывая её волнами; потом растащил тряпицы по размеру, разгладил каждую, прикусывая зубами особо строптивные складки. Мешковина пошла на основу — жёсткую, зато тёплую. Сверху лёг шерстяной платок, а по бокам он набил овчину, создавая мягкие бортики, в которые так приятно уткнуться носом. Драный рукав он скатал валиком под голову вместо подушки.

Закончив, Поскребка отступил на шаг и оглядел творение. Гнездо вышло на славу — неровное, лоскутное, торчащее клочьями во все стороны, но пахнущее теплом и покоем. Он медленно забрался в самую середину, покрутился, уминая тряпье под себя, и наконец устроился калачиком, спрятав нос в коленях.

Поскребка зевнул, причмокнул и смежил веки. Завтра будет новый день, новая свалка и новые поиски блестящего. А сейчас довольно и этого — простого, уютного, своего. Сон принял его бережно и укрыл с головой, и маленький белый дракон больше не думал ни о сокровищах, ни о королях, ни о заговорах.

7

Голод властно погнал Поскребку прочь от нагретой солнцем кареты. Он выскользнул из убежища, прижимая бледное брюхо к земле, и засеменил меж холмов слежавшегося мусора — туда, где свалка почти упиралась в подножие городской стены. Здесь, в тени замшелых камней, всегда можно было отыскать что-нибудь съестное: заплесневелую горбушку, выброшенный огарок сальной свечи или хотя бы подгнившие овощные очистки.

Дракончик деловито копался лапками в прелой соломе и золе, то и дело чихая от пыли. К сожалению, удача словно отвернулась: попадались лишь сухие кости, пустые яичные скорлупки да комья спекшейся каши, уже тронутые плесенью. В животе неприятно ныло, и Поскребка уже готов был вернуться в «Колыбель» и попытаться заснуть на пустой желудок, как вдруг наверху, на каменном гребне стены, раздались тяжёлые шаги.

Он замер, вжавшись в кучу тряпья. Над краем стены показалась грубая фигура стражника в помятом шлеме. Тот лениво оглядел окрестности, зевнул и, видимо, решив, что доедать ужин не станет, опрокинул вниз глиняную миску. Прямо к лапам Поскребки, кувыркаясь в воздухе, полетели остатки трапезы: ломоть ячменной лепёшки, обгрызенное свиное рёбрышко и несколько кусков варёной репы.

Дракончик едва не взвизгнул от восторга. Как только стражник скрылся из виду, он проворно схватил добычу, сгрёб всё в охапку передними лапками и, прихрамывая под тяжестью ноши, заторопился обратно в своё укрытие под каретой.

Уже в безопасности, свернувшись калачиком в соломе, Поскребка с наслаждением вгрызался в жёсткую, но пахучую лепёшку, хрустел сочной репой и обгладывал солонатовое мясо с косточки. Сытость разлилась по телу приятной истомой. Веки, лишённые пигмента, смежились сами собой. За стенами укрытия по-прежнему шептались ночные голоса, но теперь они казались далёкими и совершенно неважными.

Сытый и довольный, маленький дракон уснул, так и не узнав, какой разговор вершил судьбы королевства в эту ночь.

8

Инстинкт победил. Поскребка выждал ещё десяток ударов сердца, пока шаги заговорщиков не стихли в толще стены, а затем сам юркнул в расщелину. Узкий лаз тёрся о бока, кроша сухую глину, и вскоре вывел его с другой стороны — прямо в лабиринт ночных городских улиц.

Здесь всё было чужим и огромным. Пахло гарью, прокисшим элем из разбитой бочки и мокрым камнем. Дома громоздились по обе стороны, слепые и молчаливые, лишь кое-где за ставнями дрожал жёлтый огонёк свечи. Поскребка прижался к стене, стараясь превратиться в тень. Его бледная чешуя в лунном свете казалась пятном тумана, и это было единственным преимуществом.

Впереди, на перекрёстке у покосившейся кузницы, мелькнули две тёмные фигуры. Заговорщики двигались быстро, но не бесшумно: всё ещё слышался хриплый шёпот и глухое постукивание посоха о булыжник. Дракончик следовал на почтительном расстоянии, перебегая от одной кучи хлама к другой. Сердце колотилось под горлом, лапы предательски шуршали по мусору, но двуногие были слишком заняты собой, чтобы оглядываться.

Путь их лежал всё дальше от городских ворот, туда, где над крышами вырастала громада королевского замка. Его башни чернели на фоне звёздного неба, суровые, как стражи. У подножия внешней стены, в месте, заросшем диким плющом и битым кирпичом, заговорщики замедлились. Поскребка спрятался за перевёрнутой тачкой и затаил дыхание.

Широкоплечий отодвинул плети плюща носком сапога, открыв чёрный провал — старый водосток, ведущий, видимо, глубоко под стену. Вертлявый нырнул туда первым, за ним — второй. Плющ вновь качнулся, и всё стихло.

Дракончик остался один перед тёмным зевом. В ноздри шибануло сыростью, тиной и чем-то гнилым. Где-то там, в глубине, скрывался путь к сокровищнице — шанс, которого он ждал всю жизнь. Но темнота казалась хищной, а страх ледяными пальцами сжимал загривок. Может, стоит отступить сейчас, запомнить это место и дожждаться завтрашней суматохи, о которой они говорили? Или решиться и лезть немедленно, пока путь ещё открыт?

- Скользнуть в водосток прямо сейчас — тянуть нельзя, иначе их след остынет. — (10)
- Запомнить место, вернуться на свалку и дожждаться завтрашнего переворота — так безопаснее. — (2)

9

Поскребка выбрал правый коридор. Ступени, вытертые тысячами ног, вели наверх, и с каждым шагом шум становился громче — уже не просто эхо, а отчётливый лязг стали, мужские выкрики и чей-то надсадный хрип. Сердце маленького дракона трепыхалось пойманной птицей, но он упрямо полз вперёд, прижимаясь к стене и надеясь, что бледная чешуя сольётся с серым камнем.

Коридор вывел его в просторный зал, освещённый дрожащим светом опрокинутых факелов. И тут же Поскребка понял, что угодил в самое пекло.

Огромные двуногие, закованные в железо, метались по залу с мечами и топорами. Одни носили алые плащи королевской стражи, другие — тёмные накидки мятежников. Звон стоял невыносимый: клинки скрежетали о щиты, сапоги гулко топали по каменным плитам, и над всем висел пронзительный крик — то ли команды, то ли предсмертный вой. Пахло кровью, раскалённым железом и едким потом.

Дракончик оцепенел на пороге, прижавшись животом к холодному камню. Его красные глаза расширились от ужаса. Он не понимал, кто здесь враг, а кто друг, не знал, куда бежать, и каждая клеточка его тела вопила: «Прячься! Беги!»

Но было поздно.

Краем глаза он заметил движение — смазанное, быстрое. Мятежник в разорванном плаще, увернувшись от копья стражника, с разворота взмахнул длинным мечом, целясь куда-то за спину. Поскребка даже не успел осознать, что оказался на линии удара.

Ослепительная вспышка боли пронзила бок. Мир перевернулся. Пол ударил в спину, и перед глазами заплясали тёмные пятна. Собственное дыхание стало чужим — рваным, булькающим. Лапки судорожно скребли камень. Где-то высоко-высоко, за пределами гаснущего сознания, чей-то сапог перешагнул через маленькое бледное тело и побежал дальше, даже не заметив.

Поскребка лежал на холодных плитах, глядя в закопчённый потолок, и боль медленно отпускала, сменяясь ледяным безразличием. Последнее, что он увидел — не золото сокровищницы, не сияние самоцветов, а крохотную искру от факела, упавшую рядом с его носом. Она вспыхнула напоследок оранжевым и погасла, точно так и не зажжённая мечта.

10

Поскребка глубоко вдохнул спёртый воздух и шагнул в черноту. Водосток встретил его ледяной сыростью и осклизлым камнем под лапами. Тьма здесь стояла такая плотная, что собственное тело казалось чужим. Дракончик полз почти на ощупь, цепляясь когтями за щели меж кирпичей, ориентируясь лишь на удаляющийся звук шагов впереди да тусклое эхо голосов.

Туннель изгибался, ветвился, и в какой-то миг Поскребка осознал, что звуки стихли. Он замер, прислушиваясь. Тишина давила на уши. А затем из бокового хода выметнулась тень — быстрая, беспощадная, как бросок змеи.

— Попался, — прохрипел голос над самым ухом.

Грубая рука в перчатке сомкнулась на шее дракончика раньше, чем он успел даже пискнуть. Широкоплечий заговорщик выволок его на свет — тусклый, сочащийся откуда-то сверху сквозь решётку ливневого стока. Вертлявый стоял тут же, кривя тонкие губы в ухмылке.

— Гляди-ка, — протянул он, разглядывая бьющегося Поскребку. — Маленький уродец. Альбинос. Такого и на рынке не продашь, шкура бракованная.

Дракончик дёргался, царапал воздух когтями, но стальная хватка не ослабевала. Инстинкт орал внутри, требуя кусаться, вырваться, полоснуть по глазам, однако тело сковал ледяной ужас. Он был слишком мал, слишком слаб, слишком глуп, чтобы соваться в дела двуногих.

— Прикончи, — бросил вертлявый безразлично. — Свидетели нам ни к чему.

Широкоплечий хмыкнул. Пальцы сжались сильнее. В глазах Поскребки заплескали искры, а затем мир сузился до крохотной точки и погас. Последней мыслью было сожаление о тайнике, оставленном навсегда. Блестящие капельки, пуговицы и осколки — его маленькое, никому не нужное сокровище — теперь осиротеют.

11

Левый коридор уводил вниз, в сырую полутьму, и Поскребка покорно последовал за его изгибом. Запах гари здесь мешался с чем-то новым — тёплым, жирным, почти родным: так пахло съестное. Вскоре каменный пол сменился вытертыми ступенями, а те вывели дракончика в огромное помещение с низким закопчённым потолком.

Это была замковая кухня — просторная, как пещера, и сейчас совершенно пустая. Видно, повара и челядь разбежались, едва слышав звон мечей наверху. В огромном очаге ещё тлели угли, бросая на стены дрожащий багрянец, на дубовых столах в беспорядке валялись медные ковши, пучки сушёных трав и опрокинутая ступка. Поскребка принялся. Пахло жареным мясом, чесноком, свежим хлебом и ещё чем-то сладким — кажется, мёдом. Желудок предательски сжался, но сейчас было не до пиршества.

Дракончик скользнул меж лавок, и тут взгляд его упал на брошенную у очага холщовую сумку — видно, кто-то из слуг второпях обронил. Небольшая, крепкая, с длинной лямкой. Поскребка прикусил край зубами, потянул — лёгкая. Он тут же представил, как набивает её золотом, и сердце заколотилось чаще. Сумка отправилась за спину, перехваченная на манер седельной поклажи.

Теперь оставалось найти путь дальше. Оглядевшись, дракончик заметил над очагом

широкое жерло вытяжки — чёрный зев, уходящий круто вверх. Оттуда тянуло холодом и слабым сквозняком. Стены дымохода густо заросли копотью, но внутри виднелись грубые каменные выступы — то ли кладка, то ли наросты раствора.

Поскребка решил. Цепляясь когтями за щербатые камни, он полез в дымоход. Копоть оседала на чешую, забивалась в ноздри, сушила глаза, но дракончик упрямо полз вверх. Узкое жерло поворачивало, ветвилось, и он выбирал те ходы, откуда сильнее тянуло сквозняком. В какой-то момент мимо пробежала здоровенная крыса, шарахнувшись от бледного чудища, и Поскребка едва не сорвался, но удержался, впившись когтями в сажу.

Наконец впереди забрезжил тусклый свет. Ход вывел его к проржавевшей решётке, едва державшейся на петлях. Дракончик надавил плечом — решётка со скрежетом подалась, и он кубарем вывалился в коридор, мягко приземлившись на пыльный ковёр. Весь, от морды до кончика хвоста, он был покрыт чёрной сажой, и лишь красные глаза горели из-под слоя копоти, как два раскалённых уголька.

Коридор тонул в полумраке. Где-то далеко, за поворотами, ещё слышался шум битвы, но здесь было тихо. Поскребка отряхнулся, фыркнул, выпустив облачко сажи, и огляделся. Стены были обиты тёмным деревом, на них висели старые гобелены с потускневшей вышивкой. А прямо перед ним, в десяти шагах, виднелась дверь — высокая, обитая железными полосами, с массивным кольцом вместо ручки. И она была приоткрыта. Из щели между створкой и косяком лилось мягкое, переливчатое сияние — не огня, не свечи, а чего-то иного. Тёплого. Зовущего.

Поскребка затаил дыхание. Инстинкт выл внутри штормовым ветром. Он на негнущихся лапах, как зачарованный, приблизился к двери и толкнул её носом.

Сокровищница распахнулась перед ним, и дракончик замер на пороге, ослеплённый.

Огромный круглый зал, вырубленный прямо в сердце замковой скалы, сиял. Золотые монеты лежали грудями, точно песок на морском берегу — необъятные холмы, сверкающие в свете магических кристаллов, что висели под потолком. Самоцветы — алые, как его глаза, синие, как зимнее небо, зелёные, как бутылочное стекло, — россыпью мерцали повсюду. Жемчужные нити свисали с серебряных блюд. Кубки, усыпанные драгоценными камнями, золотые статуэтки, лари с чёрным деревом и резной костью — всё это громоздилось до самого свода, и каждый предмет, каждая монета пела беззвучную песню, понятную лишь драконьему сердцу.

Поскребка стоял и не мог надышаться. Перед глазами плыло. Его коллекция — его тайник — вдруг показался горсткой жалкого сора. Вот оно. **Настоящее.**

Он бросился вперёд, не помня себя. Лапки дрожали, сгребая монеты, пригоршнями заталкивая их в холщовую сумку. Золотые кругляши текли меж когтей, холодные и тяжёлые. Он выбрал самые блестящие, самые звонкие, самые красивые. Несколько рубинов — красных, как его собственные глаза. Горсть изумрудов. Крохотную золотую фигурку грифона с расправленными крыльями. Жемчужное ожерелье, которое он, не удержавшись, тут же примерил на шею. Сумка быстро наполнялась и тяжелела.

За стенами грохнуло что-то особенно громкое — кажется, рухнула балка или опрокинулся таран. Поскребка вздрогнул, опомнился. Жадность — тоже драконий инстинкт, но инстинкт выживания был сильнее. Он затаил сумку, с натугой взвалил на спину и, пошатываясь под весом добычи, покинул сокровищницу. Последний взгляд, брошенный через плечо, был полон тоски и торжества.

Обратный путь прошёл как в тумане. Снова дымоход, снова кухня, теперь уже едва освещённая угасающими углями. Сумка гремела и била по бокам, но Поскребка тащил её с упорством обречённого. Водосток встретил его привычной сырой тьмой, и он прополз его насквозь, исцарапав брюхо и едва не застряв с раздувшейся ношей.

А потом была ночная свалка — тихая, укрытая туманом. Знакомая карета. Родной запах сухой трухи. Поскребка ввалился в убежище, сбросил сумку и рухнул рядом, тяжело дыша.

Отдышавшись, он дрожащими лапками развязал холстину и высыпал сокровища на солому. Монеты растеклись сверкающей лужей, камни заиграли даже в скудном лунном свете, сочившемся сквозь щель. Дракончик смотрел на них и не мог поверить. Он сделал это. Маленький, бледный, никому не нужный альбинос со свалки — он совершил то, о чём не смели мечтать его гордые золотоглазые собратья.

Поскребка улёгся на свою новую грудку сокровищ, обняв её лапами и хвостом. Чешуя, всё ещё чёрная от сажи, пачкала монеты, но ему было всё равно. Он лежал и слушал, как далеко в замке затихают последние отголоски битвы. Теперь у него есть золото. **Настоящее. Его собственное. И он будет охранять его до последнего вздоха — как истинный дракон.**